

(00:10:00) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Уважаемые зрители, задать вопросы нашим участникам можно через форму на сайте, отсканировав QR-код, который сейчас вы видите на экране. Пленарная дискуссия «Как освободить созидательную энергию народа? Социальная сфера и экономика будущего». На сцену приглашаются: модератор Дмитриева Оксана Генриховна, доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной Думы. Шестопал Елена Борисовна, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени Ломоносова. Шукшина Мария Васильевна, Заслуженная артистка России, член правления Союза кинематографистов России. Улумбекова Гузель Эрнстовна, ректор Высшей школы организации и управления здравоохранением, российский ученый, доктор медицинских наук. Останина Нина Александровна, председатель комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Смолин Олег Николаевич, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, председатель общероссийского общественного движения «Образование для всех».

Оксана Дмитриева: Уважаемые участники Форума, мы сегодня проведем дискуссию о социальной политике, социальных проблемах, а одновременно о состоянии социальных отраслей: образование, наука, культура, здравоохранение. Я попрошу поставить презентацию. Для затравки хотела бы сказать, как я вижу, какие проблемы в социальной сфере, в социальных отраслях на сегодняшний момент, и какие есть, на мой взгляд, основные достижения, поскольку говорить о проблемах и одновременно о достижениях нужно, чтобы ориентировать лиц, принимающих решения, на оценку фактического результата.

Какая основная проблема сейчас в социальных отраслях? На мой взгляд, это противоречие между тем, что отрасли, составляющие конечную цель общественного развития, потому что общественное развитие, конечно, можно ставить в ВВП 3%, 1%, но все-таки, если говорить о конечной цели, это развитие человеческого капитала, решение социальных проблем, состояние здравоохранения, образования, культуры, то есть именно общественные блага и жизнедеятельность человека. То есть, с одной стороны, это конечная цель, с другой стороны, это высокотехнологичные отрасли, наиболее, наверное, самые высокотехнологичные, которые составляют экономику будущего. И при этом именно в этих отраслях существенное отставание по заработной плате и по условиям труда. Отсюда следует постоянный дефицит кадров в этой сфере.

(00:15:01)

Следующее, отставание от иных высокотехнологичных отраслей. То есть если это высокотехнологичные отрасли, то наука, конкурирует с IT, здравоохранение конкурирует с фармацевтикой, отраслю фармацевтики и так далее. И получается, что имеет место большой отток в другие высокотехнологичные отрасли, либо утечка мозгов. То есть умные не хотят быть бедными.

Третья проблема, вернее четвертая, это большая дифференциация в оплате труда между регионами. Я потом покажу вот эту информацию, что порождает межрегиональные бесконечные перетоки и межрегиональную ненужную мобильность. Общая характерная проблема для всех отраслей социальной сферы – это статус бюджетного учреждения, который был порожден законом 2012 года. В итоге мы имеем симбиоз бюрократизации и коммерциализации бюджетной сферы в одном флаконе. Отчетность и загруженность административно-хозяйственной работы, как следствие – изменение статуса бюджетного учреждения, нарушение всех законов бюджетирования, нет ни сметы, ни бюджетной сетки, поэтому мы тут бесконечно боремся с зарплатой и дифференциацией, подтягиваем ее непонятно к чему.

Социальное неравенство сохраняется. Теперь если перейдем в целом к состоянию общества по пенсионной системе, это провал пенсионной реформы, которая проводилась с 2002 года, по переходу к частично накопительному обязательному элементу. Это продолжающаяся дифференциация и дискриминация работающих пенсионеров устойчивая тенденция к снижению коэффициента замещения, то есть относительного размера пенсий.

Теперь очень коротко, что можно сказать в качестве основных достижений социальной политики, это улучшение социальной инфраструктуры, то есть имущественного комплекса и оснащенности оборудования социальной сферы. Здесь действительно есть существенные изменения и существенный прогресс. Это ликвидация дефицита мест в дошкольных учреждениях и школах, это увеличение, все-таки увеличение продолжительности жизни, мы должны констатировать, это реализация достаточно эффективных мероприятий в области семейной политики, но об этом скажет Нина Александровна более подробно, как она это оценивает, материнский капитал и льготная ипотека, это создание, действительно повсеместное создание инфраструктуры для массового спорта, для массовой физкультуры. Это отдельные программы, достаточно массовые, для граждан пожилого возраста в отдельных, относительно благополучных регионах, «Московское долголетие» в Москве и «Серебряный возраст» в Петербурге. Это развернутая система бесплатного дополнительного образования. Ну и в целом, это все-таки снижение бедности. Я бы даже сказала не снижение бедности, а снижение нищеты, потому что наша граница бедности — это граница нищеты, но все-таки здесь есть снижение до 6-7%.

Ну а теперь небольшие иллюстрации по поводу отношения заработной платы в социальных отраслях по отношению к средней по стране. Мы проанализировали с 2011 года, здесь не столько есть результат, сколько вот выполнение отчетности. Вот в указе президента сказано, что к 2012 году должна быть у педагогов и у среднего медицинского персонала должна быть зарплата не ниже одной средней по региону. Ну вот и мы видим скачок, в 2012-2013 году есть увеличение. Дальше, следующий скачок, сказано в указе президента, на других слайдах будет лучше видно, что к 2018 году нужно достигнуть двух средних для научных работников, для преподавателей высшей школы и для врачей. И вот мы видим, не

могла вначале понять, что это такое, почему в 2018 году вдруг такой скачок по росту зарплаты. Никаких вроде реальных решений не принималось. А вот в указе Президента сказано «достичь». И вот по показателям, которые коллеги подскажут, как это делается, вот эти показатели выполнены.

(00:20:02)

Теперь смотрим по отдельным категориям. Там статистика ведется с 2013 года. Ну вот мы видим 2018 год. То, о чем я говорила. Особый скачок по вузам, по науке и по врачам. По здравоохранению, конечно, скачок в ковид в 2020 году. Дальше мы имеем снижение по всем показателям, по всем подотраслям и фактически находимся на том же уровне, который был достигнут в 2012-2013 годах.

Ну и нельзя не сказать о том, что происходит между регионами. Региональные различия в уровне оплаты труда абсолютно стабильны. Вот я показала здесь отношение зарплаты по отношению к Москве в Тверской области, в Мособласти и для сравнения Москва по отношению к Санкт-Петербургу. Региональные различия стабильны, отношения сохраняются, за исключением одного. Санкт-Петербург вырывается вперед и обгоняет, если на старте был примерно на уровне Московской области, обгоняет Московскую область и приближается к Москве, но при этом это по педагогам, вот это по врачам, это дальше Санкт-Петербург по отношению к Ленобласти и к Псковской области. То есть Ленобласть оттягивает на себя Псковскую область, Санкт-Петербург оттягивает Ленобласть, то же самое по Мособласти. Мособласть оттягивает Тверскую, Москва – Мособласть. Я как депутат прекрасно знаю, что лучше всего обеспечены кадрами в Санкт-Петербурге те, районы, которые граничат с Ленинградской областью. У них вообще нет никаких проблем. Оттуда приезжают и воспитатели детских садов, и в больницы, и в школы. Это вот Петербург.

Теперь по пенсиям. Стабильное с 2014 года снижение коэффициента замещения. Отношение средней пенсии к средней зарплате. Тренд на сокращение, снижение продолжается. И если исторический минимум был в 2007 году, то сейчас мы по 2025 году 23,3%, а в 2007-м было 22,8%. Мы идем к историческому минимуму, не останавливаясь. Одна из причин и одна из факторов – это дискриминация работающих пенсионеров. Они пострадавшие от всех последних реформ. Несмотря на возобновление индексации пенсионеров работающих, разница сохраняется. Если в апогее она была в 2022 году около 6 тысяч, ежемесячная разница в пенсиях работающих и неработающих, то вот теперь она... Они, во-первых, сами сократили за счет увольнения и найма на работу, а вот возобновление индексации где-то сократило на одну тысячу вот эту разницу, но, тем не менее, 3,5 тысячи разница сохраняется.

Я думаю, что это такой краткий обзор, то, что относится ко всем отраслям. И я с удовольствием передаю слово, судя по тому, что во многом со мной согласен Олег Николаевич. Он вот скажет и разовьет, как он оценивает ситуацию в образовании, какие здесь он видит проблемы и пути решения. Олег Николаевич, можно садиться.

Олег Смолин: Уважаемая Оксана Генриховна, уважаемые коллеги, как действующему профессору, мне кажется, что когда я стою, я лучше соображаю. Поэтому, с вашего позволения, я буду говорить стоя. Начну не со своей темы. Слушая уважаемую Эльвиру Сахипзадкову Набиуллину, я в последнее время вспоминаю известную грустную шутку, кажется, 2008 или 2009 годов: «Не так страшен кризис, как антикризисные меры». И думаю, что не так страшен внеплановый перегрев экономики, как ее плановое охлаждение, которое, между прочим, сказывается на доходах бюджета и на заработных платах тех людей, интересы которых мы представляем в парламенте.

(00:25:07)

Вообще, мне кажется, уважаемые коллеги, может быть я ошибаюсь, что мы не можем обсуждать сейчас нашу политику экономическую и социальную вообще без понимания того, в каком положении находится страна. И как мне представляется, любые предложения на эту тему должны исходить из того, что в этой экономической и социальной политике должны быть как минимум два периода. Один, условно говоря, военный, второй, условно говоря, послевоенный.

Ни одна страна инфляцию в период войн не победила, об этом говорит мое историческое образование, поэтому задачи, которые ставит Центральный банк, либо нереализуемы, либо реализуемы такой ценой, что лекарство будет хуже самой болезни. Перехожу к теме моего выступления, которую бы я обозначил так. Образовательная политика – ближайшие задачи. Мне представляется, уважаемые коллеги, что ближайшая задача образовательной политики — это сохранение и воспроизводство кадров. Ради этого можно остановить, мне как представляются, и некоторые другие проекты. Вообще в обычной ситуации мегапроекты двигают страну вперед, в такой ситуации, в которой мы находимся, если это осуществляется за счет, соответственно, поддержки и достойной оплаты труда людей, создающих человеческий потенциал, мне кажется это неправильным.

Но что я имею в виду? Как мы все помним, президент в послании 2023 года поставил задачу создания национально ориентированной системы высшего образования. И всем понятно, что если речь идет о сохранении, воспроизводстве кадров, о технологическом лидерстве и так далее, то на первый план входят как минимум три фигуры. Это инженер, это ученый и это педагог, способный воспитать того и другого, доктора и культура вообще вне конкуренции, об этом я не говорю. Это дела, связанные со стратегией. Я говорю о ближайших задачах.

Что мы имеем, уважаемые коллеги? Да, Президент заметил в 2023 году, что бакалаврское образование явно недостаточно для подготовки высококвалифицированных специалистов. Происходит эксперимент. Продлен до 2030 года, но ведь мы могли бы без всякого вреда с пользой для нашего высшего образования увеличить прием по специальности, который будет близок явно к новой так называемой базовой ступени высшего образования, и соответственно улучшить качество подготовки, в особенности наших инженерно-технических работников. К сожалению, статистика этого не подтверждает, этого не

произошло. Не очень понимаю почему, я не конспиролог, но иногда мне кажется, что есть люди, которые когда-то вводили эту систему, и теперь надеются, что все кончится и можно будет все оставить по-прежнему. Никакого технологического лидерства при этом не будет.

Вторая тема, что касается науки. Я не говорю о том, что есть Указ Президента №309, как вам известно, к 2030 году мы должны получить 2% науку из всех источников. Согласно другому указу №642 от 2016 года, половина должна быть из федерального бюджета. Я открываю официальные данные, которые мне присылал Минфин. Мы видим, что расходы на науку в ближайшие годы 0,3, 0,3, 0,3, 0,29% из федерального бюджета. Никакого движения вперед мы не наблюдаем. Более того, мы могли бы совершенно спокойно за это время вывести аспирантуру из системы высшего образования, как и предлагал президент. Я абсолютно согласен с этой позицией. Для того, чтобы аспиранты занимались не школярством, а занимались исключительно или главным образом наукой. Пока мы этого тоже, увы, не видим.

Ну и, наконец, тема, которой я занимаюсь постоянно – это педагогические работники. Вы все время слышите официальную статистику. У нас 2% педагогов не хватает. Это официальная статистика. Без комментариев. А вот данные Российской Академии народного хозяйства и госслужбы, президентской академии. Если бы нагрузка учителей была более-менее нормальная, не хватало бы 250 тысяч учителей. Только учителей. Не говорю о других педагогических работниках. 250 тысяч.

(00:30:00)

Разница по регионам. Мы регулярно ее наблюдаем. Еще недавно была пять с половиной, теперь шесть. В лидерах у нас даже не Москва, а Северные Эмираты, так называемые, в частности Чукотка, Ямал и так далее. Но Москва очень-очень высоко. И действительно, мы наблюдаем так называемый педагогический туризм, когда из Подмосковья в Москву, из ближайших областей в Подмосковье, даже из моей Омской области, куда только могут.

Для меня совершенно очевидно, что нужно повышать статус педагогических работников, если мы хотим сохранить кадры и подготовить нормальные кадры, в том числе инженеров и ученых. И последнее. Это уже выходит за рамки текущих задач. Сегодня в очередной раз мы узнали о гибели педагога, который погиб от ножа ученика. Теперь в очередной раз наши коллеги депутаты, я думаю, будут предлагать поставить росгвардейца к каждой школе и так далее, и так далее, и так далее. Я не отрицаю задач текущей безопасности, но мы должны задуматься, почему по этому показателю мы, слава богу, не догнали Америку, но значительно перегнали Европу и Канаду. Я имею в виду публичное насилие в школе. И мое убеждение, я однажды увидел в одной школе в Санкт-Петербурге, пожалуй, самом интеллигентном городе нашей страны, плакат в школе: «Сначала любить, потом учить». Это фраза Яна Амоса Коменского, которой уже несколько столетий. Вот если мы будем деформализовывать, деbüroкратизировать систему нашего образования, создадим учителю нормальные условия для того, чтобы он мог работать с ребенком и делиться с ней частью своей личности, а не дрессировать его на ОГЭ и ЕГЭ, тогда, я думаю, со временем

мы, слава богу, безнадежно отстанем от Соединенных Штатов по этому показателю. Спасибо.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое, Олег Николаевич. Я хочу попросить Гузель Эрнстовну Улумбекову охарактеризовать ситуацию здравоохранения. Вот был вопрос, как вы оцениваете систему подготовки экономистов и высшего образования. О ней можно очень много говорить, но в целом система, то что было в Советском Союзе, она потеряла инженеров-экономистов и она потеряла экономистов-специалистов в конкретных отраслях. То есть у нас все вот теперь макроэкономисты или финансисты. И вот Гузель Эрнстовна представляет редкого вообще, редкого специалиста, который является, с одной стороны, экономистом, а с другой стороны, очень хорошим врачом и понимает суть происходящего в здравоохранении с точки зрения профессии. То есть не каждая отрасль, может похвастаться, что у нее есть такой специалист. Гузель Эрнстовна, вам слово

Гузель Улумбекова: Спасибо, Оксана Генриховна. Я очень прошу восемь минуточек, потому что мне надо рассказывать про всю систему здравоохранения. На самом деле у нас два ключевых показателя. Это количество умерших, вот здесь представлено на этом слайде, и количество родившихся. Это демографические показатели. Вот этот пик с умершими, это ковидный пик, а родившихся мы видим, что резко сокращается. И по всем прогнозам Росстата ежегодно это практически, разница между двумя этими показателями, практически 700 тысяч человек.

Сначала о рождаемости. Вот да, у нас меняется поколение, но если мы посмотрим на женщин активного детородного возраста 20-34 года, на которых приходится 80% рождений, то их количество с 2011 по 2028 год сокращается на 7 млн человек. То есть потенциально те женщины, которые могут рожать, их становится мало. И поэтому в этих условиях нужны экстраординарные меры. И эти меры не столько лежат в плоскости здравоохранения, сколько лежат в плоскости экономики. Это удвоение материнского капитала при рождении вторых и последующих детей, поддержка семей с детьми, потому что сегодня, если семья рождает второго ребенка, ее доходы в расчете на человека падают в полтора раза, а третьего – почти в два с половиной раза. Это дополнительно около 2 трлн рублей к тем немалым деньгам, 3 трлн, которые мы сегодня тратим. Но если мы их добавим, тогда мы будем как раз на уровне, тогда когда это позволят финансовые возможности государства, мы будем на уровне стран, которые смогли добиться хоть каких-то успехов в этом отношении.

(00:35:04)

Второй показатель, который гораздо больше относится к системе здравоохранения, это ожидаемая продолжительность жизни. Это расчетный показатель, который считается на основании повозрастных коэффициентов смертности. И мы видим, что в советское время она была практически на уровне новых стран Евросоюза, которые близки к нам по уровню экономического развития, то есть ВВП на душу населения. Но сегодня она отстает практически на шесть лет от этих стран. И чтобы понять, что надо сделать, вот мы

эконометрическими методами показали, что в нашей стране примерно в равной степени ожидаемая продолжение жизни зависит от трех факторов. Социально-экономический, который вы здесь обсуждаете, образ жизни и доступность бесплатной медицинской помощи, которая определяется объемом финансирования здравоохранения.

Не буду останавливаться на экономических вопросах. Потребление алкоголя у нас снижается, но сегодня из-за лобби производителей алкоголя и соответствующих министерств мы в этом вопросе остановились. А в здравоохранении у нас недостаточно резервов. Я абсолютно согласна с Оксаной Генриховной, что последний проект продолжительной активной жизни очень хорошо. Это 3 трлн за шесть лет, которые предстоит его реализовывать. Но если мы посмотрим на структуру расходов проекта, это преимущественно инфраструктурные проекты, а на кадры тратится очень мало. И, соответственно, когда население спрашивают: «А что же вас беспокоит?», они говорят: «Ну с поликлиниками у нас все в порядке, а вот дефицит кадров – это основная проблема и компетенция специалистов».

Значит, какие фундаментальные вопросы не решают национальные проекты? Первое – это дефицит кадров. Второе – недостаточная квалификация. Третье – недостаточное лекарственное обеспечение и неэффективная система финансирования. Очень коротко проиллюстрирую. Вот у нас обеспеченность с врачами в расчете на тысячу населения ниже, чем в большинстве развитых стран. Да, сегодня немножко растёт, но это по-прежнему недостаточно. Обеспеченность медицинскими сестрами самая низкая среди развитых стран. Это при наших огромных расстояниях. И она за последние годы сократилась на 16%.

В чем дело? Вот нам финансово-экономический блок говорит: «Ну мы же вам добавили деньги, вот зарплата врачей растёт». Да, но если мы это посчитаем в постоянных деньгах 2013 года, то у врачей она выросла всего на 30%, а у медсестер на 15%. И это не компенсирует тяжелый труд медицинских работников. Вторая проблема. Это квалификация кадров. И здесь я также абсолютно согласна, во что это упирается. У нас сегодня профессорско-преподавательский состав получает оплату труда так же, как практикующие врачи. А в советское время это было в два раза больше. И пока мы особенно в эпоху искусственного интеллекта, когда новые знания приобретают принципиальный характер, и они должны рождаться людьми, не поднимем оплату труда профессорско-преподавательского состава, нас действительно ждут большие проблемы.

Лекарства. У нас сегодня лекарства доступны только тем, кто имеет льготы, то есть стали инвалидами, или пациентам с редкими заболеваниями. А в развитых странах всем, кому врач выписал рецепт. Поэтому мы получаем лекарства в сопоставимых   (00:38:26) по ППС-доллару в три раза меньше, чем они. Финансирование. Ну вот 3,2% валового внутреннего продукта, и это, конечно, очень мало. Обратите внимание, что новые страны Евросоюза после ковида не снизили финансирование, оставили на этом уровне. У них даже практически 6% валового внутреннего продукта.

Значит, региональное неравенство. Абсолютно согласна. Вот у нас распределение денег в регионы из централизованных фондов происходит в зависимости от средней оплаты труда в экономике региона. И если она низкая, ты меньше получишь денег. То есть мы этим нищету или бедность регионов как бы фиксируем. И, естественно, государственные расходы в одних регионах выше, в других ниже, и соответственно возникает переток кадров. А живем мы в одной стране. Исходя из этого анализа вытекает, что надо делать. Естественно, первое и главное, во что упирается решение всех остальных проблем, это поэтапное, по мере финансовых возможностей государства, повышение государственных расходов на здравоохранение. С 3,2% ВВП до 5% валового внутреннего продукта.

На что должны пойти эти деньги? Первое, повышение оплаты труда медицинских работников, привязки к МРОТ по всей стране одинаково. И двукратное, по отношению к практикующим, как было в советское время, медицинским работникам, повышение оплаты труда профессорско-преподавательского состава. Второе направление траты денег – это система всеобщего бесплатного лекарственного обеспечения.

(00:40:06)

И, кстати, еще, Оксана Генриховна, я бы еще сказала, что у нас в отсутствии пятилетнего планирования очень серьезная разбалансировка межотраслевая. Производство, например, лекарств производят, а рынка сбыта недостаточно.

Третья задача. Мы должны оплачивать финансирование, никаких тебе коммерческих историй, по смете. Если здесь должна стоять медицинская организация, то мы должны обеспечить ее базовые издержки по оплате труда и соответствующее оказание услуг. Ну и, конечно, комплексная межведомственная программа. Но не надо ее вешать на плечи только системы здравоохранения. Это задача всего государства и всех остальных министерств и ведомств. Мы только инициаторы этого.

Что надо делать в среднесрочной перспективе, я озвучила, и для этого есть вся нормативная база в лице указов Президента и постановлений Правительства. Нам необходимы дополнительные деньги, да, поэтапно. Ну и я вообще хочу сказать, что наша отрасль очень благодарна. Вот дадите нам чуть-чуть денег, и мы тут же даем результат. Это и снижение младенческой смертности, и снижение онкологической смертности. Но не могу сказать, и причем с гордостью, что в эпоху искусственного интеллекта мы никак не отстаем, а даже опережаем в создании продуктов консультанта-врача и консультанта-студента. И вот я буду у вас выступать на сессии по искусственному интеллекту. Я думаю, это будет очень интересно. Ну и мы ждем продолжения разговора. 22 мая создается конгресс, который будет посвящен только вопросам искусственного интеллекта в здравоохранении. Бесплатно, онлайн. Спасибо, благодарю за внимание.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое, Гузель Эрнстовна, за краткий, но очень полный и комплексный доклад. И я хочу предоставить слово Марии Васильевне Шукшиной, чтобы она рассказала о своем видении состояния отрасли культуры. Она уже сказала, что культура всегда по остаточному принципу самая последняя, но тем не менее. Это мы перед тем, как

мы перейдем к высокому, к совсем высокому, обобщающему. Пожалуйста, Мария Васильевна.

Мария Шукшина: К высокому, о культуре. Как освободить созидательную энергию народа? Можно на этот вопрос, наверное, ответить одним предложением. Если народ будет целью существования государства, то кто был никем, тот станет всем, говоря языком Евангелия, и последние будут первыми. Так, наверное, освобождается созидательная энергия. А как иначе? Ведь производительность труда рабов гораздо ниже, чем свободных людей. И это очень важно для страны, для государства, когда правящая мысль народоориентирована и отстаивает не свои собственные интересы, а интересы народа и государства. Это уже, наверное, лет 100 ведь как известно, что лучший способ воспитать патриотизм — это дать народу почувствовать, что ему принадлежат природные ресурсы страны и что у него есть все возможности для самореализации. И главное, что у него есть равенство таких возможностей.

Как обстоят дела, по просьбе Оксаны Генриховны, сообщаю, с этим делом, с равенством и с самореализацией у нас в кинематографии — да никак. У нас шансов на самореализацию молодых кинематографистов практически нет, потому что у нас идет абсолютно четкое разграничение на небольшую, так сказать, привилегированную группу, называющую себя лидерами кинопроизводства и получающие миллиарды от Фонда кино, и всех остальных. И ладно бы, если бы эта сегрегация была основана на таланте, на вкладе в общее дело, но все гораздо прозаичнее.

Например, у нас есть такое явление как «питчинг» — это система конкурсов на лучший проект в Минкульте и Фонде кино. Казалось бы, чем плохо, но одно из условий — это обеспечительный платеж. Это финансовый залог, который участники вносят до подачи заявки в Минкульт или в Фонд кино. Значит, за заявку на полный метр ты заплатишь полтора миллиона, за дебют 250 тысяч, это в Минкульте. В Фонде кино ты заплатишь 3% от запрашиваемой суммы. То есть, если минимум 100 миллионов ты просишь, ты заплатишь, соответственно, 3 млн. И не факт, что ты выиграешь этот конкурс. И, скорее всего, ты не выиграешь. Попозже расскажу об этом.

(00:45:12)

Но таких денег у молодых кинематографистов, конечно, нет. У них нет денег даже из регионов-то добраться до Москвы на питчинг.

Интересно другое. В этих питчингах участвуют проекты и самих лидеров кинопроизводства. Но они залог не вносят. Они получают многомиллионные субсидии, в среднем где-то 500 миллионов плюс-минус. Соответственно, сумма залога составила бы 15 миллионов. Но никакого залога они не вносят. Еще один немало интересный факт. В экспертных советах при Фонде кино, как правило, сидят экспертами сами участники кинопроизводства. И как-то снимается вопрос, почему именно эти самые участники, они же лидеры, они же эксперты, он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Жора, выигрывают все эти питчинги. Ну то есть о какой созидательной энергии у молодых тут вообще, в принципе, может идти

речь? Она у них, конечно, есть, у молодых кинематографистов, но государство ее гасит, не дает пробиться.

Отдельно надо сказать про основной критерий оценки заявок — это коммерческий потенциал фильма. Зачем это нужно государству, которое финансирует, то есть приоритет финансирования у государства коммерческий потенциал фильма? Непонятно, потому что результатами кинопроизводства государство не распоряжается, хотя является основным заказчиком. И бюджет доходами от проката не пополняет, как это было в Советском Союзе. Мало того, многомиллиардные субсидии государство выделяет частным компаниям, частным кинокомпаниям, безвозвратно и наперед. А раньше государство покупало уже готовые фильмы у киностудий, и то, если они соответствовали идейно-художественному качеству. Ну в общем, такая система, конечно, такой механизм государственной поддержки на развитие национального кинематографа не работает. Работает на семистудийщину. Вы знаете, по аналогии с семибанкирщиной, так сказать, печально известной, вот можно сказать так. То есть на одни и те же частные кинокомпании работает вся государственная система.

К чему это приводит? К потере качества, к примитивизации контента, к потере жанрового и стилевого разнообразия и к снятию с себя ответственности за дебилизацию нации. Я говорю о государстве. Я говорю о государстве, потому что такой системой финансирования государство свои функции по воспитанию и просвещению молодежи перекладывает на продюсеров-коммерсантов. А раньше основным, единственным продюсером было само государство. А кого воспитают коммерсанты? Ну очередного потребителя, это понятно.

Но куда коммерческий аргумент сильнее идеологии, нас с вами будут продолжать кормить сказками и ремейками. Но если все время общество держать в состоянии детства этими сказками и какой-то эмоциональной незрелостью, этими песнями, плясками, масками шоу на телевидении, то о какой в принципе созидательной энергии народа может идти речь? Общество потребления не годится для созидания, только для разрушения. А это уже серьезная угроза национальной безопасности. Решить проблему можно только государственным регулированием. Как это сделать, мы поговорим завтра на отдельной сессии, полностью посвященной культуре и кинематографу, с самими кинематографистами. Я буду модерировать эту сессию. Ну, потому что в двух словах я уже и так что-то, наверное... В общем, приходите завтра на эту вот сессию, посвященную кинематографу и культуре, потому что как – будем вместе все соборно решать. Потому что проблема важная.

(00:50:22)

Оксана Дмитриева: Спасибо. Большое спасибо, Мария Васильевна. Кстати, очень много нового, я слушала, с Олегом Николаевичем эти вопросы у нас не обсуждались, потому что все остальные представители оппозиции, альтернативные точки зрения все равно высказывались. А вот то, что сказала Мария Васильевна, со знанием дела и с такой ситуацией изнутри, очень интересно. Кстати, экономический механизм порочен, который

предложен, поэтому вам тоже нужен отраслевой экономист, который бы знал и суть кинематографического производства и при этом...

Мария Шукшина: Оксана Генриховна, извините, пожалуйста, я просто скажу, что рентабельность советского кинематографа состояла 900% в год. Сегодня она составляет 6%.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое за эту информацию тоже. Спасибо. Я хотела попросить Елену Борисовну, потому что мы все говорили о деньгах, о рублях, о процентах, о нашей оценке состояния социальных отраслей, а как это все отражается в социально-психологических аспектах, что люди думают, что в умах?

Елена Шестопал: Дорогие коллеги, прежде всего, Оксана Генриховна, спасибо большое, что вспомнили о том, что кроме экономистов есть еще и общество, и кроме экономики есть люди. На самом деле это нетривиальное утверждение, потому что даже из того, о чем говорила Марина Васильевна, стало понятно, что люди как-то по остаточному принципу у нас не только в медицине, не только в образовании, но и даже в кино. А в общем-то вопрос заключается в том, что это, конечно, не так просто, но надо все-таки понять, для кого, и кроме экономических инструментов есть еще люди, которые этими инструментами пользуются. И как они все это воспримут, тоже хотелось бы понять.

Во-вторых, мне кажется, что вопрос, который сформулировали наши организаторы, он чрезвычайно актуален. Он неслучайно возник именно сейчас. Мы живем в удивительное время. Я говорю не только о том, что у нас идет СВО, что в Иране, так сказать, падают бомбы, что рынки, так сказать, заходятся в истерику при каждом твите Трампа. На самом деле есть такой подход, такая теория, которую предложил такой известный американский антрополог Джамаис Кашио, которая вообще говорит о том, что та реальность социальная, которая существовала где-то до середины XX века, до середины 80-х годов XX века, эта традиционная социальная реальность, она приказала долго жить. Вот что это была за традиционная реальность? Он назвал ее SPOD. Мы видим там стабильность. стабильность, предсказуемость, обыкновенность и определенность. Вот больше всего этого нет. Давайте забудем об этом.

Значит, а что получилось в результате? А пришла новая социальная реальность. Причем речь идет не о России только, речь идет обо всем мире. Это необычайно нестабильная, неопределенная, сложная и неоднозначная социальная реальность. Он назвал ее по аббревиатурам этих слов вукореальность. Эта вукореальность просуществовала где-то до 2019-2020 года. Как пришла пандемия, так она тоже приказала долго жить. Что же пришло на ее место? А вот то, с чем мы живем сейчас. У нас это началось в 2022 году, но примерно в то же время это пришло и в другие страны. Это необычайно хрупкое, тревожное, нелинейное, и вот самое главное, мне кажется, это то, что она непостижимая.

(00:55:09)

То чувство неопределенности, то чувство непонятности вообще, как жить, оно охватывает нас всех. Но особенно его переживают и ощущают люди младшего поколения. Неслучайно

у нас среди социологов и политологов сейчас очень много исследователей того, что происходит с нашей молодежью.

Второй момент, о котором я хотела сказать, это что происходит в такой вот новой реальности очень много разных процессов. Во-первых, происходит то, что можно измерить объективно, и то, что видно, как меняется социальная структура общества. Вот это первый, я бы сказала, такой объективный фактор. Но вы вспомните, как это было в советское время. У нас были рабочие, интеллигенция и крестьяне. При этом рабочие были гегемоном, крестьяне были помощником гегемона, а интеллигенция, она была такой какой-то странной немножечко прослойкой. Вот сейчас с этим делом у нас уже, так сказать, рабочие практически исчезли, но крестьяне превратились, видимо, в фермеров, а интеллигенция, она теперь называется у нас почему-то средним классом.

Вот вместо этой старой советской системы, еще в конце 90-х, начале 2000-х, это и Татьяна Ивановна Заславская, это и Овсей Ирмович Шкаратан, они предложили такую, я бы сказала, вертикальную систему социальной структуры, в которой главным показателем является доход. Понятно, что не сами придумали, они, так сказать, это взяли из западной экономики, из западной социологии, и получается, что у нас есть такой трехуровневый агрегат, в котором есть высший, средний и низший слой. На самом деле, их можно делить до бесконечности, каждый из них. Первый — это элита, второй — это средний класс, как его начали у нас называть сейчас, и, наконец, нижний слой. Об этом поговорим чуть позже, но оказалось, что практика и социальная реальность в нашей стране, она выглядит немножко иначе и никак не стыкуется с вот этой вот моделью, которая пришла с Запада.

Появилась, это было уже где-то в 2000-х, 2010-х годах, модель, которую предложил такой социолог Симон Кордонский, назвав ее политической моделью социальной структуры общества. Ну действительно, у нас кто ближе к власти, у того больше возможностей. Чем дальше от власти, тем возможностей меньше. И на самом деле вот такая структура общества, она, конечно, очень опасна тем, что у нее, так сказать, есть основной двигатель, который, конечно, меньше всего задумывается о тех, кто дальше от власти.

Появилась в последнее время, это где-то после 2020 года, появилась такая модель, которая стала включать не только объективное распределение людей по классам, слоям, кластерам и так далее, но и то, как они сами себя воспринимают. А вот здесь мы сталкиваемся с тем, что, оказывается, наше восприятие и наше объективное положение, наш статус в обществе далеко не всегда совпадают. Вот то, что сделала Крыштановская и Лавров, они предложили людям ответить на вопросы о том, как они сами себя, к какому слою, классу они себя относят. И получили примерно 85 разных наименований. Сверху идут богатые, высший класс, олигархи, дальше средний класс, их называют еще середняки, бедные, они же нищие, госслужащие, чиновники, рабочие, айтишники, руководители-менеджеры, начальники-управленцы, торговцы, учителя, ну и до кучи фрилансеры и блогеры. Вот сегодня такими видят себя люди в нашей социальной структуре. Я не даю никаких оценочных суждений, я просто это фиксирую.

Что мы в результате получаем? Значит, в результате это очень непонятная система, но представьте себе пирамиду, у которой вершина морально ущербна, потому что люди, которые не хотят себя называть богатыми и олигархами, вообще не хотят себя причислять к этому слою, понимая, что олигархи – это люди, которые либо украли, либо некие счастливики, которым почему-то выпал лотерейный билет.

(01:00:01)

Не хотят они себя относить и к бедным, к самому низу. Это маргинализованная прослойка. Более того, люди не хотят признаваться в том, что они бедны. Они пытаются приукрасить свое положение. И середина. Середина у нас дико раздута, потому что туда вошли практически все слои и классы, и она ни о чем не говорит. Наши дискуссии, которые ведутся на протяжении последних лет 20-30 о том, что из себя представляет средний класс в условиях России, они, по-моему, ни к чему так и не привели, потому что те трактовки, которые используют исключительно экономические основания для отнесения к среднему, высшему или низшему классу, у нас в стране почему-то не очень хорошо работают.

Дальше самое интересное начинается. Ну, отнесли себя люди к тому или иному слою, ну и что из этого? А они же при этом говорят о том, что они видят определенные расколы в обществе. То есть нельзя просто быть богатым или просто бедным. Между ними, и тут экономисты не дадут соврать, у нас огромная дистанция. И вот эта дистанция, прежде всего, между бедными и богатыми, она на протяжении всех постсоветских лет воспринималась у нас как самое болезненное, самое неприятное. Причем она воспринималась так именно потому, что богатство у нас воспринималось как несправедливое. Оно не получено за заслуги. Оно не заслужено, не заработано трудом. Оно либо украдено, как мы говорили, либо почему-то случайно оказалось у кого-то в руках.

И вот эта вот проблема, такая закомплексованность по поводу бедности и богатства, она огромное количество людей затрагивает, эмоционально затрагивает. Посмотрите, 26% опрошенных этот неправильный раскол ощущают. Только в последнее время, вот в годы, когда началась СВО, у нас появилось еще одно, так сказать, вот такое неприятное расслоение между теми, кто за и против СВО. Но оно, при том, что оно занимает сейчас 32%, оно близко к тому, о чем люди все время задумываются, то есть о бедности и богатстве. Упоминают также раскол между местными и приезжими, между русскими и нерусскими, но если вы посмотрите на цифры, они говорят о том, что при всех разговорах о миграции, о том, что это такой социально болезненный момент, не так много людей на это обращают внимание.

Какие выводы я бы сделала из вот этих каких-то таких достаточно разрозненных наблюдений? Значит, первый вывод, который мне кажется ясным, что одних экономических инструментов недостаточно для того, чтобы высвободить вот эту созидательную энергию народа. Нужны еще инструменты, государством используемые, идеологические. Я знаю, что это слово очень не любят многие в нашей политической науке, но я его использую, потому что идеологию я понимаю как определенную систему

ценностей. Та система ценностей, которая есть сейчас, это система, во многом заимствованная нами некритично на Западе, и она ориентирована на ценности потребления, на ценности индивидуализма, на всякие прочие моральные уродства, я уже даже об этом не говорю, а нам пришлось выбросить, забирая вот эти ценности западные, которые казались в начале постсоветского периода очень прогрессивными, нам пришлось выбросить ценности служения своей стране, ценности коллективизма, ценности самопожертвования, ценности, к которым мы привыкли еще в те советские годы.

Второе, чтобы освободить созидательную энергию народа, нам предстоит на государственном уровне выстроить новую систему ценностей, где справедливость будет находиться во главе угла. До сих пор эта ценность у нас сохранилась. И последнее. Новая политическая реальность последних лет дала не только, так сказать, проблемы и сложности, она создала позитивный сдвиг в самовосприятии народа. И эти процессы уже стали сильнейшим драйвером в освобождении созидательной энергии народа и роста социального оптимизма. Спасибо.

(01:05:01)

Оксана Дмитриева: Спасибо большое, Елена Борисовна. Действительно, очень много интересного нового и неожиданного. Я даже не предполагала, что до сих пор раскол между бедными и богатыми идет фактически на первом месте и существенно превышает раскол между местными и не местными мигрантами. То есть это очень такой интересный и неожиданный, надо сказать, результат. Нине Александровне Останиной хочу предоставить слово, председателю комитета Государственной Думы по делам семьи, женщин, детства и отцовства. Комитет этим тоже занимается. Очень много сделано Ниной Александровной лично за это время по широкому кругу социальных программ и вообще все, поскольку семья затрагивается везде, то поэтому фактически по широкому кругу социальных вопросов Нина Александровна ведет очень активную политику и занимает активную позицию, и что характерно, основанную на научных исследованиях и на мнении широкого круга экспертов. Нина Александровна, здесь так или иначе все затрагивали вопросы демографии, бедности. Как вы оцениваете здесь ситуацию? Что определяется деньгами, а что определяется ценностями, сознанием, культурой? Вам слово, Нина Александровна.

Нина Останина: Спасибо, Оксана Генриховна. Думаю, не только я, но и специалисты, называющие себя демографами, наверное, немало удивятся. Почему? Потому что в числе отраслей социальных вы перечислили здравоохранение, культуру, образование, а демографию, вы сказали, так или иначе затрагивали все. Вот до тех пор, пока мы так или иначе будем затрагивать демографию, и до тех пор, пока про семью – это значит про все, у нас никогда не будет государственной демографической политики. А кому-то это очень удобно. Вот я, наверное, сильно удивлю вас, если расскажу, что за восемь созывов в Государственной Думе впервые, вот мои коллеги здесь, вижу, мы провели правительственный час. Как не хотели проводить вице-премьер и профильные министерства правительственный час на тему государственной демографической политики отдельно.

Ну и действительно взгляды у нас не совпали. Почему? Потому что представители профильных министерств перечисляли набор мер социальной поддержки. Более того, поскольку на федеральном уровне их не так уж и много, и речь идет о едином пособии, речь идет о маткапитале, то все остальное как-то сдвинулось на регионы. Более того, предложено KPI региональным губернаторам за рождаемость. То есть мы все сдвинули, всю демографию свели только к рождаемости. И очень хорошо сформулировали сейчас вопрос, что менять в демографической политике и в здравоохранении. Абсолютно верно. Потому что потенциал у нас не только в рождении новых детей, но как раз потенциал состоит и в том, чтобы сохранить тех, кто уже родился, продолжить жить тем, кто живет и считает себя поколением средним. Поэтому в данном случае задачи перед нами стоят огромные, но, повторяю, вот если мы до сих пор так и будем меры социальной поддержки, которые представляют собой систему мер по выводу из бедности, если будем все это считать демографическими мерами, то мы никогда вопрос о демографии не решим. Нас так и будет 146 с учетом полезности или не полезности миграционной политики. И хорошо, что мы снова вернули свои исконные регионы, но сколь-либо значительных успехов в части демографии мы не добились.

И в этой связи проиллюстрирую национальный проект «Демография». Пять лет, потратили на этот проект 4,5 трлн рублей. Коротко, количество рождений снизилось на 300 тысяч, смертность увеличилась на 300 тысяч, коэффициент рождаемости уменьшился с 1,5 до 1,4. Гузель Эрнстовна это подтвердит. Ну что, вместо него национальный проект «Семья». на шесть лет, с 2025-го по 2030-й. Сравните. Назвала цифру 4,5 трлн, здесь 17,9 трлн. Самый дорогой национальный проект. Много сделано, правильно вы, Оксана Генриховна, надо говорить, конечно, о положительном. За это время 41 региону ежегодно дают 12,5 млрд рублей, и они точно эти деньги расходуют.

(01:10:05)

Но я не знаю, правильно это или нет. Почему? Потому что к числу регионов с низкой рождаемостью относится Ленинградская область. Коэффициент рождаемости 0,48. Но мы-то знаем почему, потому что они не рожают в Ленинградской области, едут в Ленинград, и, получается, статистика в Ленинграде растет, а Ленинградская область получает деньги. Поэтому кто от этого выиграл? Ну, могу назвать появление и до укомплектования перинатальных центров в городе с нынешней властью. Но это не означает, что надо в Кольчуге закрывать роддом. А у нас, получается, строя большие Перинатальные центры, называя у нас на заседании Госдумы, показывая там все эти видеоряды, ну вроде и много делается, когда ты приезжаешь в регион, то понимаешь, что все не то и все не так, до людей-то это ничего не доходит, это только в кабинетах хорошо звучит.

Поэтому 2025 год у нас завершился. Что получили? Коэффициент рождаемости сократился с 1,4 до 1,37. Вот начало реализации национального проекта «Семья». Поэтому твердо убеждена, надо понимать, что необходимо двигаться к разграничению и разделению так называемых социальных мер и мер демографических. Почему? Потому что у демографической политики своя правовая природа, свой предмет регулирования. Цель и

задача этих направлений разные. Социальная политика – вывести из бедности и работать, надо адресные пособия давать, действительно это сделать, но не доводить до того, что для того, чтобы попасть в категорию малоимущих, целенаправленно разводятся семьи, получают эти пособия, мы ни одной проблемы этим не решим, если только не ухудшим свою статистику.

А задача мер демографических – быть мотиватором к рождению первого, второго и последующих детей. Поэтому я считаю, что до тех пор, пока власть не захочет вообще разграничить эти меры, мы, к сожалению, будем пожинать плоды этой непрофессиональной политики. Если это делается непрофессионально, надо других людей тогда подыскивать, кадры. Если это намеренно действует, работает, ну что, тогда пятая колонна, о которой мы говорили, продолжает что ли у нас в том числе и на географическом фронте нам вредить?

В последнее время выдвигаются очень многие инициативы, создающие информационный шум, а по сути очень вредные, будоражат общество и создают основу для раскола. Вот, Елена Борисовна, вы об этом даже говорили, а может быть, и то, о чем я скажу сейчас. Ну, не надо предлагать налог на бездетность, не надо наказывать врачей, близких родственников за склонение к прерыванию беременности, не надо дискриминировать женщин по возрасту, говоря о том, что будем платить за рождение ребенка, если ты сделаешь это до 23 лет. Мне кажется, Гузель Эрнстовна, но никакая наука еще не доказала, что ранние рождения приведут к тому, что семья станет многодетной. Это далеко не факт.

Поэтому выход тут один как раз. Я назвала одну меру – материнский капитал. В два раза у нас не получится с рождением каждого последующего ребенка. А вот плюс 25% с рождением каждого последующего ребенка — этот законопроект мы внесли в Государственную Думу. Тем более и Президент говорил о необходимости перенастройки этого механизма. Отказ от всяких критериев хотя бы для многодетных. Потому что в 1996 году, не самый богатый год был, мы ввели, когда закон о едином пособии принимали. Критерий один. Рождение ребенка в семье. Это есть единственное условие для того, чтобы семья получала меры социальной поддержки.

Я хочу высказать свое мнение в заключение вот о чем. Конечно, меры материальной поддержки, они очень нужны. Без них мы не решим проблемы демографии, проблемы увлечения численности населения, сохранения здоровья нашего населения, но абсолютно согласна, Елена Борисовна, абсолютно согласна, Мария, вы говорили, это ценностные ориентиры. Без идеологии, давайте называть это своим словом, вот в каком обществе мы хотим, чтобы жили наши дети? С какой властью должны жить наши дети, которая обеспечила бы эту самую социальную справедливость? В общем, какая власть, такая и демография. Спасибо.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое, Нина Александровна. Я хотела бы уже вопросы начать с вас. Скажите, пожалуйста, вот мы с вами тоже обсуждали в процессе обдумывания вот этой социальной панели, мы всегда говорили, и была соответствующая статистика, что

доля граждан ниже прожиточного минимума, с доходом ниже прожиточного минимума, за чертой бедности существенно высока доля семей с детьми. И что у бедности детское лицо.

(01:15:14)

В последнее время я не могу найти информацию, соответствующую статистике. Какая ваша позиция, может быть, вы располагаете на этот счет информацией? Улучшилась здесь ситуация с учетом мер семейной политики и помощи семьи с детьми, особенно многодетными, или здесь по-прежнему есть проблемы?

Нина Останина: Оксана Генриховна, ну мы с вами как раз и получали критику за свою формулировку о том, что у бедности детское лицо. Улучшилась ли статистика? Об этом можно судить по отчету, который представило нам профильное Министерство труда и социальной защиты в Государственной Думе. Мы подводили итоги реализации указа президента о многодетных семьях. 88% семей, которые сегодня живут за чертой бедности, это семьи с детьми. И самые уязвимые семьи с детьми – это семьи, где воспитываются дети от 7 до 15 лет, то есть школьники, что очевидно говорит, что родители не справляются с задачей собрать ребенка в школу, обеспечить ребенка учебниками. Олег Николаевич еще приводит тут страшную статистику расходов на репетиторов, а до тех пор, пока ОГЭ и ЕГЭ будет, у нас так и останется эта расходная статья в семейном бюджете.

Поэтому вот если итог 2025 года, то количество бедных 7%, людей, которые живут менее чем на 17 тысяч рублей в месяц, в четвертом квартале эта статистика сократилась, по данным Минтруда она составляет 5%, в общем 7 млн населения. Но я сказала, что внутри вот этого сидят как раз семьи с детьми, и самое главное, что здесь многодетные семьи. У нас число, если говорить, что каждая пятая многодетная семья, где трое и более детей, за чертой бедности, то это примерно 600 тысяч семей, а в них воспитывается 2 млн детей. У нас всего 2 млн 900 тысяч многодетных семей, в них воспитывается 10 млн детей, вот 2 млн этих детей, они живут за чертой бедности.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. Спасибо за дополнительную информацию. И Мария Васильевна на этот раз не последняя, не по остаточному принципу культура. Вот вопрос пришел из сайта. Каких людей культурно рождают тяжелые времена? Может быть, переформулировать? Мы помним, что Великая Отечественная война целый пласт подняла и в литературе, и в музыке, и в живописи, но особенно в литературе, в поэзии, то есть лейтенантская проза появилась. Кинематограф, лучшие фильмы о войне, песни. Вот сейчас, казалось бы, тоже все-таки есть патриотические подъемы, особенно первые годы было единение. Что вы можете сказать? Как это пока отразилось на культуре на настоящий момент?

Мария Шукшина: Каких людей рождает культура? Я не помню, кто сказал.

Оксана Дмитриева: Каких людей в культуре рождают тяжелые времена, скажем так.

Мария Шукшина: В культуре рождают? Ну, таких же, как и культура рождает, собственно говоря. Это одно и то же. Не помню, кто хорошо сказал, что нация является следствием культурных технологий. Коротко могу сказать только одно. Рождает инфантилов. Есть научные исследования у психологов МПГУ, были мне вручены лично, по моей просьбе. Там такая статистика, что... Вернее, вывод, сразу перейду к выводу. Культивирование стратегии человека развлекающегося в культурном и образовательном пространстве приводит к разрушительным психологическим последствиям, к росту инфантилов, суицидов и экстремизма. Ну, о чем, собственно говоря, вот... Да, сегодня в сводках МВД все это значит. Какая культура, как Нина сказала, какая власть, такая демография. Какая культура, такие, извините, поколения.

(01:20:15)

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. Олег Николаевич, у меня вот к вам такой вопрос. Много вопросов к вам и на сайте. Скажите, пожалуйста, вот ситуация очень интересная в педагогических вузах. Педагогические вузы переданы, по-моему, с 2020 года полностью из Минобрнауки в Министерство просвещения, чтобы в большей степени они удовлетворяли потребности средней и начальной школы. Но при этом этот вопрос задавали мне и наши руководящие, тот, кто руководит образованием на уровне региона, а мой регион — это Санкт-Петербург, и директора школ, которые бьются за то, чтобы обеспечить свои школы кадрами. Говорят потрясающую вещь. Допустим, физиков, учителей физиков, которых не хватает, и только министр у нас считает, что их хватает, а вообще редкая школа говорит о том, что хватает. Педагогический университет в Санкт-Петербурге, в свое время был факультет физический, в котором выпуск был восемь групп. То есть это около 100 человек. Сейчас я сама посмотрела, сколько прием и сколько выпуск. Девять человек. Девять! Примерно такая же ситуация в других педагогических вузах. Стала смотреть по специальностям, то есть кого только не выпускают — и семейных консультантов, и различные психологи, и медиаменеджеры, и все что угодно. Но, собственно говоря, учителей, педагогов, особенно предметников, особенно естественно-научного цикла, Очень мало. Что вы думаете по этому поводу? И становится ли это предметом обсуждения?

Олег Смолин: Безусловно, это становится предметом обсуждения. Это первое. Второе. Я хочу напомнить общую статистику, которую дает нам Минтруд. За время обучения по педагогическим специальностям отсев составляет 25%, что, на мой взгляд, нормально. Я вообще считаю, что отсев — это нормально. Не все студенты выдерживают образовательные программы, и, соответственно, вузы нельзя за это наказывать, отнимая у них деньги, это абсолютно неправильно. Кстати, когда я учился на историческом факультете в Омском институте тогда, соответственно, отсев составил 30%, несмотря на конкурс, чистый конкурс, там восемь с лишним человек на место. Это не тогда, когда подают в пять вузов на пять специальностей в каждый, а вот чистый. Тем не менее, это нормально.

Что касается дальнейшего. А дальше происходит следующее. Нам говорят, что главный признак роста популярности педагогических специальностей — это увеличение количества заявлений на них, в особенности в педвузы, но не только в педвузы, и другие, которые

готовят педагогов. Но происходит далее, по данным Минтруда, ситуация, когда на второй год после окончания вуза в школах работает 42% от тех, кто выпустился. Это не считая тех 25%, которые отсеялись в процессе обучения.

Почему очень мало учителей физики? Но тоже понятно. Как правило, учителями физики все-таки чаще были мужчины, чем женщины. У меня, кстати, была прекрасная учительница физики, женщина, которая нам, ребятам в коррекционной школе в конце 60-х преподавала факультет по специальной теории относительности. Вот такое было качество образования, между прочим, я вам хочу сказать. Поэтому... Университеты мало заказывают учителей физики. Почему? Они боятся не набрать учителей физики. Если ты не набираешь нужное количество учителей, тебя за это наказывают.

(01:25:03)

Возникает замкнутый круг. Выход, с моей точки зрения: давайте мы будем поступать так, как поступали когда-то в Советском Союзе с инженерными кадрами. Более высокий уровень стипендий, соответственно, в высших учебных заведениях. Ну, кроме того, я бы, хотя я понимаю, что это породит разные проблемы, но я бы подумал о том, чтобы, если нельзя всем сразу и значительно повысить. Хотя повышать зарплату надо всем педагогам. Безусловно. Но давайте хотя бы, может быть, начнем с учителей, которых наибольший дефицит. Мы же говорим, что нам нужны инженеры. Откуда они возьмутся, если в школах нет учителей физики?

И, кстати, последнее, что я позволю себе сказать. Вот мы постоянно слышим, что единый госэкзамен позволил каждому сельскому школьнику стать студентом МГУ. Так вот, один очень умный руководитель культуры в сельском районе мне рассказывает, что ситуация ровно противоположная. Почему в сельских школах, как правило, нет квалифицированных учителей физики, химии, биологии и других предметов. И реально денег на репетиторов нет. А затраты на репетиторов, по нашим оценкам, в 2024 году составляют 450 миллиардов рублей. В Российской Федерации сейчас больше, потому что Государственная Дума приняла законопроекты, законы, расширяющие сферу применения ЕГЭ. Поэтому мне представляется, что мы должны, государство должно определить приоритеты, и если мы действительно хотим, чтобы мы получили технологическую независимость, в идеале, конечно, технологическое лидерство, хочется в это верить. Мы должны идти этим путем. Спасибо.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. Гузель Эрнстовна, вот вопрос пришел вам с сайта. Как ликвидировать перекоп занятости кадров в частной медицине и государственных медицинских учреждениях? И возможно ли это в принципе при текущих подходах соцстраха?

Гузель Улумбекова: Ну, наверное, обязательного медицинского страхования, да? У нас есть обязательное...

Оксана Дмитриева: Ну, наверное, да. Я думаю, что автор имел в виду медстрах.

Гузель Улумбекова: Точно так же. Если мы хотим сохранить для большинства нашего населения, которое не имеет достаточных доходов для получения медицинской помощи в частном секторе, мы хотим сохранить государственный сектор, то оплата труда и условия труда должны быть достойными в государственном секторе. Не ниже, чем в частном секторе. А для этого смотрим пункт номер два, надо поэтапно увеличивать государственное финансирование здравоохранения. И основные средства должны пойти на увеличение оплаты труда медицинских работников и выравнивание ее по субъектам Российской Федерации. Мы же из Москвы деньги не можем забрать и раздать регионам. Москва будет недовольна. Поэтому нам нужны дополнительные деньги.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. И вопрос у меня к Елене Борисовне. Елена Борисовна, из вашего доклада правильно ли я вас поняла, что каждый недоволен своим местом в социальной иерархии и не хочет это признавать. То есть олигарх не может с гордостью сказать, что он олигарх и богатый. Нищий или бедный не хочет признаваться в том, что он бедный. И вот в предыдущей классификации рабочий человек – это звучало гордо. Интеллигенция тоже, в общем, считала. Но тем не менее. Хоть кто-то был доволен. Здесь, получается, чиновники тоже считают, что они, во-первых, боятся признаваться, а во-вторых, я чиновник, я государственный служащий, и никто вот так вот с гордостью себя, наверное, в грудь не бьет. Вот правильно ли я вас поняла?

Елена Шестопал: Вы знаете, не совсем. Дело в том, что здесь есть разные, так сказать, недовольства. Тот, кто относит себя, объективно является очень богатым человеком, он не хочет об этом говорить не потому, что ему это не нравится. Он не хочет, чтобы ему завидовали. А тот, кто относится к люмпенизированной, совсем низкой прослойке, ему совестно, потому что он социально неодобряемый. Разные немножко вещи.

(01:30:01)

Мне кажется, что гораздо страшнее, когда люди вообще теряют вкус к успеху. И вот если говорить о том, что вы поставили вопрос, как освободить вот эту энергию народа, то должна быть...

Оксана Дмитриева: Константин Анатольевич поставил.

Елена Шестопал: Да, конечно. Надо чтобы успех и социальный успех был привлекателен а у нас сейчас, если посмотреть опросы молодых людей, то, в общем-то, им совсем неинтересно добираться по карьерной лестнице куда-то наверх, нет вот этого драйва. Не хотят они этого. Где-нибудь в середине там болтаться и так далее. Вот это опасно. Не хотеть упасть вниз – это хорошо. Это на самом деле здоровая позиция. Поэтому мне кажется, что здесь есть две разные вещи. Относить себя к тому или иному слою людей, люди же объективно понимают, если особенно речь идет о доходах. Но субъективно вот эта привлекательность или непривлекательность той или иной социальной позиции, это для нас такой вот, я бы сказала, маркер того, насколько здорова эта социальная структура, или в ней есть какие-то проблемы. Я вижу здесь проблему в том, что успех не привлекателен. То есть успех, который, так сказать, должен мотивировать людей к труду, к

тому, чтобы быть эффективным, он сегодня недостаточно, так сказать, поддерживается прежде всего государством. Я бы так ответила.

Оксана Дмитриева: История успеха и российской мечты. Ну вот американская мечта стать миллионером, а вот новая российская, русская мечта...

Елена Шестопал: Ее надо создавать. Она еще рождается. И она сама по себе не родится, если культура, Мария Васильевна, не будет это давать как пример.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. Ко мне был вопрос такой традиционный, когда же пенсионеры будут жить достойно, Но, скажем так, у нас бесконечная смена реформ, и после каждой пенсионной реформы уровень пенсионного обеспечения падает, то есть, во всяком случае, не повышается. И каждая из них вряд ли может быть названа успешной. Очень много внутренних несправедливостей. Поэтому в целом не надо никаких радикальных... То есть нужно убрать наслоение неудачных реформ, чистить пенсионную систему, выравнивать ее с точки зрения социальной справедливости, потому что меня вообще поражает искусственный интеллект, цифровизация. Но есть очень много вопросов в социальной области, которые просто хорошо считаются. Выявляются провалы, выявляются несправедливости, выявляются парадоксы. Почему-то этим никто не хочет заниматься. И вообще очень многие социальные вопросы, с точки зрения исследовательской, они не являются мейнстримом, их вообще не изучают.

Поэтому пенсионную нужно просто чистить систему, признавать провалы и вытаскивать источники финансирования, которые за счет, например, обязательной накопительной системы скопились в негосударственных пенсионных фондах и в ВЭБе, в управляющей компании. Там сейчас уже около 6 трлн. Эти 6 трлн нам пока хватит на решение самых актуальных пенсионных вопросов. И в заключение хочу попросить всех у нас, по минуте мы немножко переберем, самое главное, что хотелось бы сказать из того, что не было сказано. Пожалуйста, Гузель Эрнстовна.

Гузель Улумбекова: Вы знаете, я недавно столкнулась с воспоминаниями Генри Киссинджера, и он пишет: «Я не могу понять, почему Советский Союз такой устойчивый, у них нет там демократии, конкуренции... а я понял, потому что у них каждый гражданин в этой стране знает, что ему доступна бесплатная медицинская помощь в любой момент времени». Вот давайте на новом витке истории сделаем это для России. А вы здесь собрались для того, чтобы сказать нам, где вы возьмете деньги на систему здравоохранения.

Оксана Дмитриева: Спасибо. Мария Васильевна.

Мария Шукшина: Я бы добавила к ряду, который Генри Киссинджер сказал, я бы добавила еще доступность к великой культуре, которая была в Советском Союзе, всеобщая доступность.

(01:35:13)

И сегодня что нам необходимо, на мой взгляд, это фильтр вот той культуре, которая не способна смотреть, избегает, вернее даже, смотреть реальности в глаза, не создает фильмы социальные, осмысливающие реальность, в которой страна оказалась, а наоборот активно создает ту питательную среду, в угоду общества потребления, который еще больше его разлагает со всеми этими инфантильными сказками, со всеми вульгарными ремейками и песнями-плясками на телевидении

Оксана Дмитриева: Спасибо. Олег Николаевич?

Олег Смолин: Если можно, две ремарки. Первая. У Владимира Высоцкого есть известная песня: «А ну-ка, девушки, а ну-ка, парни, все лезут в первые, с ума сойти». Я это говорю к тому, что с моей точки зрения как раз идеология, чтобы не сказать религия успеха, у нас пытаются продвигать во всех возможных средствах массовой информации за счет других ценностей, во многом традиционных для нашего народа. А по сути моей темы, все законопроекты, которые мы готовили, вносили в Государственную Думу, несколько из них и сейчас лежат, увы, исходят из формулы «Знания, как и небеса, должны принадлежать всем». Мы за равные возможности в образовании, за образование для всех в течение всей жизни.

Оксана Дмитриева: Спасибо. Елена Борисовна.

Елена Шестопал: Я, наверное, продолжу то, что сейчас было сказано относительно равенства доступа к образованию и к медицине. На самом деле, все опросы, которые мне известны, и мои собственные, и моих коллег, говорят о том, что у нас есть два самых больных места в нашей государственной системе. Это образование и это доступная медицина. И справедливость в доступе к этим благам и есть то, что создает и нашу консолидацию, и наше единство общества, и то, что поддерживает власть, то, что лежит в основе доверия к власти. Если мы не укрепим эти основы, эти два столпа, то и культура не поможет. Хотя культура, конечно, это третий столп, на котором, наверное, все должно держаться. И главное, что наша страна, наш менталитет национальный, он не про деньги. Понимаете, когда мы хотим улучшить демографию, то какие бы мы деньги не выделяли, люди раньше умирают или, так сказать, не рожают не потому, что им денег не хватает, а потому, что им не хватает ценности семьи, ценности, так сказать, близких людей и так далее. Нам надо думать о том, что лежит в основе нашей национальной, так сказать, идентичности. Спасибо.

Оксана Дмитриева: Спасибо, Нина Александровна.

Нина Останина: Самая сложная задача. Елена Борисовна, позвольте, не согласиться с вами, хотя слышала от вас великолепные экспертные мнения, конечно. Не главные эти два недостатка. И ценности, о которых вы сказали, безусловно, верны. Но если у людей не будет уверенности в завтра, то вряд ли они отважатся рожать детей, даже если получат какие-то пособия, даже если будет у нас медицина хорошая. Иными словами, без того, чтобы мы позаботились только о социальной политике, об экономической политике, без того, чтобы поменять свою систему политическую, которая просто будет вызывать у людей

уважение и доверие к власти, мы не решим те вопросы, о которых сегодня говорили. Вот Олег Николаевич сегодня в связи с трагедией в Перми, гибелью учителя, процитировал Яна Амоса Каменского, сказав, что надо сначала любить, потом учить. Вот и власти. Прежде чем вообще-то призывать рожать нашу молодежь, надо бы любить эту самую молодежь, как любят они своих детей.

Поэтому мне очень хочется пожелать всем нам ту власть, которая будет любить людей. А люди, поверьте, у нас русская дыша широкая. Они будут широко и любить, если увидят со стороны власти желание действительно сделать все, чтобы уже сегодня, уже сейчас улучшить положение большинства, а не только коррумпированных чиновников, которые уже не знают, куда совать по карманам эти деньги. Спасибо.

Оксана Дмитриева: Спасибо. Спасибо большое. И в заключение хочу сказать не про деньги и не про расчеты.

(01:40:05)

Как депутат, ну, мы все депутаты многих созывов, и от одного и того же региона, и мы посещаем очень много учреждений здравоохранения, образования, и каждый раз я поражаюсь, как много людей, учителей, врачей, которые работают с огромным энтузиазмом, с огромной отдачей за очень скромное вознаграждение. И действительно, в общем, лучше классика не скажешь. Умом Россию не понять, в Россию можно только верить. И я верю в Россию. Спасибо большое всем участникам. Спасибо, у нас состоялась очень интересная дискуссия.

(01:41:37) (Конец записи.)